
УДК: 821.161.1

DOI: 10.31249/lit/2024.02.05

АРХАНГЕЛЬСКАЯ А.В.¹ ОСОБЕННОСТИ ПОЭТИКИ ФИНАЛА
В БАСНЯХ Г.Р. ДЕРЖАВИНА[©]

Аннотация. В статье рассматриваются особенности поэтики финала в баснях Г.Р. Державина. Внимание сосредотачивается на стремлении к слиянию текста с морализацией, акцентируются случаи исчезновения морали в процессе редактирования текста автором. Если же мораль сохраняется и выделяется в тексте, она не обязательно предполагает перевод сюжета в иной план, но может служить и «мостиком» от рассказа о жизни зверей к ситуации в человеческом мире. Также приводятся примеры максимально небанальных, отнюдь не лежащих на поверхности переходов от сюжета к морали, и в этом случае автор комментирует этот переход, стремясь максимально прояснить читателю его смысл.

Ключевые слова: Г.Р. Державин; басни; поэтика; мораль; финал.

Для цитирования: Архангельская А.В. Особенности поэтики финала в баснях Г.Р. Державина // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 7: Литературоведение. – 2024. – № 2. – С. 75–85. – DOI: 10.31249/lit/2024.02.05

ARKHANGELSKAIA A.V.² Peculiarities of the finale's poetics in
G.R. Derzhavin's fables[©]

¹ **Архангельская Анна Валерьевна** – кандидат филологических наук, доцент кафедры истории русской литературы филологического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова; arhanna@mail.ru

[©] Архангельская А.В., 2024

² **Arkhangelskaia Anna Valerievna** – Candidate in Philology, Associate Professor at the Department of History of Russian Literature, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University; arhanna@mail.ru

[©] Arkhangelskaia A.V., 2024

Abstract. The article examines the features of the poetics of the finale in the G.R. Derzhavin's fables. Attention is focused on the desire to merge the text with moralization, or on cases of the disappearance of morality in the process of author's work on the texts. If the moral is preserved and highlighted in the text, it can both sum up the allegory without transferring the plot to another plane, and serve as a "bridge" from the story about the life of animals to the situation in the human world. Examples of transitions from plot to morality that are not at all on the surface are also given, and in this case the author comments on this transition, trying to clarify its meaning to the reader as much as possible.

Keywords: G.R. Derzhavin; fables; poetics; morality; finale.

To cite this article: Arkhangel'skaia, Anna V. "Peculiarities of the finale's poetics in G.R. Derzhavin's fables", Social sciences and humanities. Domestic and foreign literature. Series 7: Literary studies, no. 2, 2024, pp. 75–85. DOI: 10.31249/lit/2024.02.05 (In Russian)

Басни Г.Р. Державина не получили достаточного внимания со стороны исследователей и остаются среди его творческого наследия едва ли не самой малоизученной частью. Всего Державиным написано два с половиной десятка басен, при жизни поэта опубликована только басня «Лев и Волк» (1776), да и та неоднократно подвергалась переделкам. Не все они сохранились полностью. Так, по поводу басни «Великаны и карлы» Я.К. Грот сетует: «Державин оставил в рукописи еще одну басню: *Великаны и Карлы* (курсив автора. – А. А.); она написана на особом полулисте, но так поспешно и нечетко, что в ней кроме заглавия почти ничего нельзя разобрать» [Державин, 1866, с. 572]. Хотя планы опубликовать свои басни отдельным изданием у поэта были, однако им не суждено было осуществиться.

В то же время исследователи отмечают, что для Державина-баснописца характерно обращение к сюжетам, не освященным жанровой традицией и часто являющимся откликами на актуальные события его времени. Так, например, басня «Крестьянин и Дуб» написана в связи с проводимым Державиным по поручению Александра I расследованием коррупционных злоупотреблений калужского губернатора Д.А. Лопухина; в басне «Выбор министра» угадываются М.М. Сперанский, Н.Н. Новосильцов и, возмож-

но, Н.С. Мордвинов; басня «Аист» дает оценку будущему военному министру А.А. Аракчееву и написана тогда, когда он еще не получил того обширного круга полномочий, в связи с которым стал широко известен; предполагают также, что герой басни «Лев и Волк» – жалующийся Льву на то, что «он не сделан кавалером» Волк – также имеет реального прототипа, угадать которого спустя время довольно сложно, учитывая типичность ситуации. Количество примеров можно множить, но в целом ситуация понятная¹. Все это побудило Я.К. Грота отметить: «...Басни его, писанные в царствование Екатерины, Павла и Александра, носят явные признаки живой связи с явлениями каждой эпохи. Мы видим в них по большей части изнанку медали, которой лицевую сторону представляют его оды» [Державин, 1866, с. 537]. Развивая эту мысль, Е.А. Морозова писала, что «эзоповский язык давал возможность автору отражать в баснях реальные факты современной ему действительности, позволял говорить о запретных вещах, заставляя “басенных животных” вести себя, как вели себя и поступали наши высокопоставленные чиновники и даже государи» [Морозова, 2007, с. 163]. В то же время исследовательница отмечает, что «его современники без труда могли узнавать, с кого “списан” образ, что, вероятно, придавало этим произведениям острый политический оттенок. Для нынешнего же читателя их “адресность” перестала быть очевидной, однако проблемы, затронутые в этих баснях, актуальны и по сей день» [Морозова, 2007, с. 163].

Д.В. Ларкович, рассматривая сумароковскую традицию в державинском творчестве, также останавливается на его баснях, замечая, что «хотя басня так и не стала магистральным явлением в державинском творческом наследии, сам опыт ироничного иноска-

¹ Политические подтексты басен Г.Р. Державина мы здесь не будем рассматривать, более подробно об источниках сюжетов и прототипах героев см.: [Морозова, 2007, с. 163; Супрунова, 2014]. Обратим внимание также на замечание Я.К. Грота о том, что Державин «позднейшими исправлениями иногда портил свои сочинения. Отдаленный многими годами от впечатлений, давших начало его басням, он уничтожал в них некоторые из тех именно черт, которые для нас всего драгоценнее по их отношению к исторической правде. Это делалось частью потому, что он, при подобных позднейших поправках, имел в виду только литературное совершенство басни, а частью и по цензурным требованиям того времени, так как он готовил и этот отдел своих сочинений к печати» [Державин, 1866, с. 538].

зания, игровых принципов художественного миромоделирования, сопряжения онтологических универсалий с конкретикой бытового факта, присущих данному жанру, был учтен Державиным и успешно применялся им на практике впоследствии» [Ларкович, 2011, с. 124].

Е.А. Морозова в своей работе также отмечает некоторые особенности финалов в баснях Державина – в других немногочисленных исследованиях этому аспекту практически не уделяется особого внимания. Исследовательница констатирует: «Завершает свои произведения Державин всегда заключительной репликой – концовкой, раскрывающей мораль басни. Именно она придает басенному сюжету обобщающий характер» [Морозова, 2007, с. 166] – и далее предлагает самую общую классификацию концовок, отмечая, что финал может представлять собой переход от описания единичного случая к типизации («Собака и Старуха»), наставление рекомендательного характера («Жмурки»), реплику, передающую мнение автора устами персонажа («Корабль и игла») [Морозова, 2007, с. 166–167]. В начале статьи Е.А. Морозова особое внимание уделяет оригинальной концовке басни «Смерть и Старик» и указывает (с опорой на мнение Я.К. Грота), что смена «концовки произошла под влиянием басни Фридриха Гагедорна “Бедный больной и Смерть” (*Die arme Kranke und der Tod*), заканчивающейся сухим обращением бедняка к Смерти “Друг, иди к моему соседу” (“Freund, geht zu meinem Nachbahr hin”). Державин же стремится к большей эмоциональной выразительности басни, в словах старика чувствуется неподдельный испуг и желание во что бы то ни стало избежать смерти, именно поэтому он “пальцем” указывает на соседа» [Морозова, 2007, с. 162]. И все же нам представляется, что вопрос о поэтике финала в державинских баснях заслуживает более пристального внимания и более тщательного рассмотрения. Попробуем предложить некоторые подходы к этой теме.

Есть некоторое количество примеров, когда мораль в баснях Державина оказывается менее маркированной, менее декларативной, менее ярко выраженной, чем у его предшественников и современников. Если раньше существовала даже традиция выделять мораль графически, то Державин стремится, напротив, к слиянию текста с морализацией, что, как представляется, нужно ему и для большего единства текста, и для более убедительного следования

морали из сюжета. В результате могут появляться даже басни без формально выраженной морали, где сюжет дает читателю достаточно оснований для вывода, который он может сделать самостоятельно, уже не находясь под неусыпным вниманием автора-рассказчика, как это происходит, например, в «Смерти и Старике» или «Выборе министра». Две части басенной структуры в разные периоды истории жанра по-разному взаимодействовали друг с другом и периоды «усиления» морали сменялись периодами ее «ослабления», в частности, это происходит в конце XVIII столетия при переходе от классицизма к сентиментализму. «Переходность» методов и приемов Державина не раз отмечалась в научной литературе в связи с самыми разными аспектами его литературного наследия, так что, как представляется, эта особенность его басен вполне органично укладывается в общую концепцию его творчества.

Тот же эффект проявляется в баснях, где функцию морали выполняет реплика одного из персонажей – участников конфликта. Так, у басни «Медведь, Лисица и Волк» известно три варианта концовки, но ни в одной из них Державин не пытается включить в финал именно морализацию, видимо, считая, что сюжет о праве старшего, где двое это право пытаются присвоить хитростью и обманом, а третий – силой, не нуждается в дополнительном усилении дидактизма. В первой редакции присутствуют и мотивировка, и результат высказывания Медведя:

Я голоден, я жду! Вам полно больше врать.
Пусть каждый сам идет и пищу промышляет.
И стал теленка убирать.

[Державин, 1866, с. 542]

Как видим, поступок мотивируется не только чувством голода, но и обвинением соперников в том, что они говорят неправду, и побуждением к самостоятельной добыче пропитания. Во второй редакции определяющую роль начинает играть сила, именно к ней апеллирует Медведь:

Я молод, но сильней, так правей я меж вами,
Так стало, мой обед, и торжество, и честь.

[Державин, 1866, с. 542]

Наконец, в последней редакции высказывание Медведя окончательно оформляется:

Ну, врешь, сказал Медведь, оскалившись зубами:
Пусть молод, но сильнее я всех теперь меж вами,
Да мне же хочется и есть;
Так мне принадлежит и старшинство, и честь.
[Державин, 1866, с. 542]

Отличия между второй и третьей редакциями менее разительны, но от этого не менее значимы: силой и чувством голода Медведь объясняет соперникам свое право не утруждать себя попытками доказать свое старшинство. В этих условиях мораль, еще раз сообщающая читателю о том, что в мире многое основано на преимуществе грубой силы, разрушала бы эффектный финал, построенный по принципу новеллистического пуанта¹.

Есть примеры, когда в первоначальной редакции мораль в басне присутствовала, а в окончательной опускалась. Таково стихотворение «Корабль и игла», где сначала после предупреждения магнитной иглы о том, что путь великолепного и гордого собой корабля зависит от того, наличествует ли на нем компас и исправен ли он, следует мораль:

Не трудно, думаю, из басни сей понять,
Что верных слуг никак не должно презирать.
[Державин, 1866, с. 550]

Однако в итоге Державин убирает это заключительное двустишие и заканчивает басню пуантом, контрастно противопоставляющим горделивое величие огромного корабля скромной работе маленькой иглы:

...я сколько ни мала,
А лишь попорчусь, пошатнусь –
Ты сядешь на мели.
[Державин, 1866, с. 550]

¹ Еще Л.С. Выготский писал: «Каждая басня заключает в себе непременно еще особый момент, который мы условно называли все время катастрофой басни по аналогии с соответствующим моментом трагедии и который, может быть, правильнее было бы назвать по аналогии с теорией новеллы *pointe* (по Брику – шпилька) – ударное место новеллы – обычно короткая фраза, характеризующаяся остротой и неожиданностью» [Выготский, 2000, с. 196].

Но, конечно, представлены и случаи, когда мораль в басне представлена и даже выделена. Рассмотрим подробнее некоторые примеры.

Басня «Собака и Старуха» у Державина явно эволюционирует от традиционной трактовки сюжета о собаке, позарившейся на кусок мяса, увиденный в отражении в речной воде, и упустившей свой (недаром первоначальное название басни – «Жадность» [Державин, 1866, с. 542]), к истории о ненасытном воровстве, которое невозможно удовлетворить никакой добычей. В басню вводится дополнительный сюжетный элемент: кусок мяса Собака крадет у Старухи [Державин, 1866, с. 543] или Старушки [Державин, 1866, с. 542] (она называется и так, и так) – персонажа вне-сценического и тем не менее введенного в заголовок басни. Мораль подчеркивает алчность тех, кто жаден до чужого добра, показывает, что склонность к воровству побуждает заглядываться на чужое и рисовать в своем воображении сказочные богатства даже там, где их нет, а также сетует на распространенность этого порока:

Ах! сколько в свете мы примеров тех видали,
Что, быв несатыми накраденным добром,
Еще в чужом
Пустую тень хватали.

[Державин, 1866, с. 543]

Таким образом, здесь Г.Р. Державин вводит в традиционный басенный сюжет дополнительный мотив и подчеркивает его на разных уровнях текста: в заголовке, самом сюжете и морализации.

Морализация не обязательно предполагает перевод сюжета в иной план, но может служить и «мостиком» от рассказа о жизни зверей к ситуации в человеческом мире. Примером первого случая может служить мораль басни «Лисица и Зайцы», посвященной, как считают вслед за Я.К. Гротом исследователи, второму разделу Польши [Державин, 1866, с. 544] и рассказывающей о том, как лиса хотела усилить свою власть над и так подчиненными ей зайцами, но в результате была вынуждена поделиться этой властью с волком и медведем, прослышавшими о ее славной победе и заметившими, что «жирен такой кусок одной тебе, Лисица, / Пожалуй, кумушка, по часточке и нам, / А ежели не так, большим быть хлопотам» [Державин, 1866, с. 545]:

Напрасно роём ров безильным мы соседям:
Дурнее будет жить нам с волком да с медведем.
[Державин, 1866, с. 545]

Аналогичным образом строятся басни «Гуси» (посвященная или русско-прусской, или русско-турецкой войне [Державин, 1866, с. 557]) и «Жмурки» (посвященная политическим процессам середины нулевых годов XIX века [Державин, 1866, с. 554]). В этих случаях Державин не выходит за пределы иносказания, читатель сам волен додумать дополнительный смысл финального высказывания и связать его с известными ему событиями или личностями.

Промежуточным можно считать вариант, когда мораль не называет прямо событие или лицо из «человеческой» части аллегории, но намекает на этот переход достаточно явно. В качестве примера можно привести басню «Струя и дом» с моралью «Предупреждай беду сначала, / Звук первый отвращай, чтобы не вышел гром» [Державин, 1866, с. 551]. Очевидно, что в данном случае мораль выполняет функции более общей рекомендации, чем заложено в сюжетной части.

Примером второго случая может служить басня «Мать и дети», которая рассказывает о матери, посадившей детей за уроки ласково сформулированным запретом на прогулки. Образ матери явно ассоциируется с Екатериной II, но эту ассоциацию усиливает мораль, прямо переводящая семейную тему в государственную:

Вот так и мудрый царь, не деля поблажки,
Умеет кротостью народ в грозе держать.
[Державин, 1866, с. 546]

Показательно, что эта басня почти лишена сюжета и представляет собой скорее словесную эмблему к девизу «Кроткая гроза», с которым Г.Р. Державин на этом этапе ассоциирует идеал государственной власти (особенно если учесть, что басня находится в рукописной тетради 1790-х годов, так что можно предположить, что этот образ навеян размышлениями над последствиями Великой французской революции).

Таких случаев, конечно, количественно больше в сборнике басен Г.Р. Державина. Для автора главная цель – предложить читателю взгляд на современные события в иносказательной форме, поэтому стремление прояснить вопрос о том, что именно имеется в

виду, чтобы избежать непонимания или ошибочного прочтения, вполне понятно. Тем более что в некоторых случаях можно говорить о достаточно небанальном, не лежащем на поверхности переходе от сюжета к морали. Так, басня «Суд о стихотворцах» построена на сюжете о двух прохожих, один из которых не мог решить, соловьи или кукушки поют благозвучнее, а второй утверждал, что умение «различить... от песенки куку» [Державин, 1866, с. 547] не требует никакой специальной подготовки, и заканчивается моралью, связывающей сюжет с заголовком:

Нередко так дают
О стихотворцах суд.
[Державин, 1866, с. 547]

Очевидно, что без морали эта связь могла не быть осмысленной читателями, а так получается своего рода кольцевое замыкание сюжета в рамку, связанную с основной темой аллегории.

Басня «Фонари», противопоставляющая обычный фонарь кулибинскому, т.е. прожектору, чей свет усиливается на расстоянии за счет использования зеркал, но вблизи «уменьшается и наконец у самого фонаря совсем темно» [Державин, 1866, с. 548], заканчивается моралью:

Иной и господин умен секретарями.
[Державин, 1866, с. 549]

Вряд ли эта интерпретация сюжета лежит на поверхности и была бы доступна читателю без дополнительного уточнения в финале.

Представлены в баснях Державина и случаи, когда мораль вводится каким-то словосочетанием или предложением, маркирующим дидактический характер вывода. Так происходит в баснях «Филька и Михейко» («Какой сей басне толк? / Барашек Филька был, Михейко – волк» [Державин, 1866, с. 571]), «Бойница и водопад» («Какой бы нам извлечь из притчи сей совет? – / Ум опытный лишь зрит и отвращает вред» [Державин, 1866, с. 570]), «Голуби» («На это что сказать? / Без стариков-вождей, да не узнав и броду, / Соваться в воду, / И плохо по одной теории воевать» [Державин, 1866, с. 568]), «Ягненок и волк» («К какому б баснь сию привести нам лучше толку? / К барашку применить – невинность, зависть – к Волку» [Державин, 1866, с. 566]), «Цвет и Паук» («Сей басни

смысл понять – ходить не надо в школы, / Под сетью Пауков валяются и престолы» [Державин, 1866, с. 564]) или «Медведь и Рысь», где предлагается даже несколько вариантов дидактического прочтения сюжета («Тройным быть может баснь сия чтецу уроком...» [Державин, 1866, с. 559]).

Мораль в баснях Г.Р. Державина, как правило, занимает не больше 2–4 строк, однако есть случаи, когда она разрастается почти до половины текста. Так происходит в басне «Аист», где рассказывается о том, как аиста боялись мелкие обитатели болота (лягушки, улитки, зуйки и нырки). Мораль представляет собой как будто диалог автора-рассказчика с жертвами тирана и отчасти с самим тираном, недаром в ней присутствует размышление о том, что можно было бы «сказать» «Аисту вопреки» [Державин, 1866, с. 553], т. е. какое вербальное высказывание можно противопоставить террористическим действиям Аиста:

На это что бы мне сказать
Аисту вопреки, –
И великаны тем бывают
Страшны и велики,
Когда их карлы окружают.
[Державин, 1866, с. 553]

Таким образом, категория размера переосмысливается метафорически и дает повод порассуждать о том, какую роль в самооценке деспота может играть самооценка жертвы.

Таким образом, можно увидеть, что в баснях Г.Р. Державина характер финальной морализации довольно разнообразен. Обращает на себя внимание и то, что вариативность концовок, связанная с тем, что писатель регулярно перерабатывал свои басни, еще больше осложняет вопрос о ведущих принципах поэтики финала в этих текстах. В то же время кажется очевидным, что Державин стремится к большему единству текста, чем это было характерно для его предшественников и современников, при помощи морали он проясняет свою мысль там, где она может быть неясна на уровне сюжета, облегчая читателю переход между двумя частями аллегории и завершая свой текст эффектным пуантом, похожим на новеллистический.

Список литературы

1. *Выготский Л.С.* Психология искусства. – Санкт-Петербург : Азбука, 2000. – 416 с.
2. *Державин Г.Р.* Сочинения Державина с объяснит. примеч. Я. Грота. – Санкт-Петербург : Императорская Академия наук, 1866. – Т. 3. – XXII, [2], 784 с.
3. *Ларкович Д.В.* Становление авторского сознания Г.Р. Державина и сумароковская поэтическая традиция // Вестник Пермского государственного университета. Сер. Российская и зарубежная филология. – 2011. – Вып. 3(15). – С. 121–129.
4. *Морозова Е.А.* Басни Г.Р. Державина // Г.Р. Державин и русская литература. – Москва : ИМЛИ РАН, 2007. – С. 161–168.
5. *Супрунова Д.А.* Басня в творчестве Г.Р. Державина // Г.Р. Державин и диалектика культур : материалы Международной научной конференции. – Казань : Казанский (Приволжский) федеральный университет, 2014. – С. 55–59.